

«Царь проявил просвещенность и знания»: научные контакты Петра I в Париже

Петру I приписывают слова «Добро у французов перенимать художества и науки. Сие желал бы я видеть у себя <...>»¹. Царь едва ли произносил эту фразу, сочиненную А.А. Нартовым, но она вполне отражает его умонастроение во время визита в Париж. Примечательный факт: Пётр I, считавший военное дело первейшей обязанностью монарха, будучи во Франции, уделил ему весьма скромное внимание. Он не осуществил запланированного знакомства с французским флотом в Бресте² и покинул смотр королевских войск на Елисейских Полях, не дождавшись их прохода. Напротив, культурные и научные интересы вышли на первый план, что было отмечено современниками. «Судя по тому интересу, с которым Пётр изучает все, имеющее отношение к наукам математическим, к механике и к технике, а также и к изящным искусствам, я полагаю, что ближайшее ознакомление с ними в интересах пересаживания их на родину была главная, если не единственная цель его поездки»³, — писал испанский дипломат, внимательно следивший за передвиже-

¹ Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 273.

² М.Д. Олсуфьев писал А.Д. Меншикову 20 апреля 1717 года из Кале: «Государь <...> изволит путь свой воспринять в Париж, а потом, может быть, и далее до Брешта, где Французский большой флот стоит». — Братья Олсуфьевы, обергофмейстеры Петра Великого. Переписка их с князем А.Д. Меншиковым (1717–1727) // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 30. См. также письмо Петра I к А.Л. Нарышкину от 19 мая 1717 года: «Хотя мы сами хотели в Бресте побывать, однакож краткость времени не допустила <...>». — Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84. Л. 429.

³ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. №1. С. 111–112.

ниями царя. Источники дают достаточный материал, чтобы выявить научные контакты царя во французской столице и оценить их значение для самого монарха, а также для развития русско-французских научных связей.

Естественнонаучные и технические знания были давним пристрастием Петра I. Интерес русского царя к медицине, увлечение анатомией, тяга к различного рода редкостям⁴ сполна реализовались во время поездок в Ботанический сад. В первый же день осмотра французской столицы Пётр I «был в Аптекарском огороде, и в других огородах, и в Аптекарском доме, где смотрел анатомических вещей». Затем царь не раз возвращался сюда⁵. Основанный в 1626 году Королевский сад лекарственных растений превратился при Людовике XIV в важный научно-просветительный центр. В начале XVIII века в саду произошли заметные перемены: здесь был устроен амфитеатр, в котором демонстрировали растения и проводились анатомические сеансы, построены оранжереи, химическая лаборатория. Едва ли не главной достопримечательностью был кабинет лекарственных веществ, добытых из растений, животных и минералов. Препараты хранились здесь в хрустальных сосудах, выставленных в прекрасных шкафах-витринах. Петр познакомился с ведущими учеными-естествоиспытателями, работавшими в Ботаническом саду. Знаменитый ботаник Себастьян Вайян (Sébastien Vaillant, 1669–1722), автор книги «*Botanicon Parisiense*», показывал царю кабинет лекарственных веществ, о чем писал в предисловии к этой книге известный голландский врач и знакомый Петра I Герман Бургаве (Бурхааве): «С тех пор, как он (Вайан. — С.М.) привел этот прекрасный кабинет в добрый порядок, он стал хранителем Королевского кабинета лекарственных веществ; потом г. Вайян показывал и описывал редкости этого кабинета его Царскому Величеству <...>»⁶. Себастьян Вайян мог водить высокого гостя по саду и знакомить с диковинными растениями и красотами сада: «Следует заметить, что цветник этого сада представляет собой холм, вокруг которого проложена спиралевидная аллея, обсаженная кустиками разных пород. С высоты этой изрядной возвышенности открывается приятный вид, простирающийся до Сент-Антуанско-

⁴ См.: Богданов К. Петр Первый о медицине: игра природы, порядок правления // Петр Великий / сост. и ред. Е.В. Анисимов. М., 2007. С. 175–209.

⁵ См.: Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был в Голландии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 616–617.

⁶ Vaillant S. *Botanicon Parisiense*... Leide et Amsterdam, 1727. Preface, s. p.

го предместья, на окрестные холмы и деревни»⁷. Знаменитый врач Жозеф Гишар Дюверне (Joseph Gichard Duverney, 1648–1730) устраивал здесь анатомические сеансы, а химик Этьен Франсуа Жоффруа (Etienne François Geoffroy 1672–1731) демонстрировал опыты в лаборатории. В поездках в Ботанический сад царя сопровождал лейб-медик Арескин (Роберт Эрскин), который выступал посредником и переводчиком во встречах царя с французскими учеными. Перед отъездом из Парижа, 18 июня, царь через Арескина и Дюверне пригласил в свою резиденцию, в отель Ледигьер, английского окулиста Джона Томаса Вулхауза (John Thomas Woolhouse, 1650?–1734), который сделал в присутствии монарха операцию снятия катаракты 65-летнему солдату-ветерану. «Царь, увидев иголку, воткнутую в глаз инвалида, отвернулся на мгновение, но любопытство взяло верх, и он наблюдал за работой и убедился, что катаракта была устранена»⁸. После успешной операции царь попросил доктора обучить русского ученика.

Позже, в 1717–1718 годах, Арескин вел переписку с Ж.Г. Дюверне по поводу заказанных ему Петром восковых моделей органов человеческого тела. Однако в связи с возникшими финансовыми проблемами известный анатом передал русской стороне лишь восковое изображение черепа с моделью мозга внутри⁹. У Дюверне консультировался и будущий лейб-медик Л. Блюментрост, ставший впоследствии первым президентом Академии наук в Петербурге¹⁰. Летом 1721 года царский библиотекарь Иоганн Даниил Шумахер был послан в Париж с научными поручениями, в том числе и для приглашения на русскую службу сына Ж.Г. Дюверне, который стал уже известным анатомом, однако Дюверне-младший отказался от предложения царя¹¹.

Знакомство с Ботаническим садом было актуальным для Петра I в плане перенимания опыта, который можно было применить в Аптекарском огороде в Петербурге, заложенном около 1713 года, в Генеральном госпитале (1715), а также при устройстве Кунсткамеры (1719). В 1724 году в Петербург приезжал французский ботаник Пьер Дешизо, который предложил свой проект сада лекарственных расте-

⁷ Brice G. Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 2. Р. 213.

⁸ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 199.

⁹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 537.

¹⁰ Андреев А.И. Основание Академии Наук в Петербурге // Петр Великий. Сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 290.

¹¹ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. С. 538; Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 272.

ний с учетом опыта парижского Ботанического сада¹². В 1726 году он во второй раз приезжал в Петербург, однако не был принят на службу в Академию наук, поскольку место ботаника было уже занято¹³.

Живой интерес у Петра I вызвала Парижская обсерватория, бывшая в то время выдающимся научным центром, где производились не только астрономические, но также математические и физические исследования. «Здание Обсерватории — это очень простой корпус в два этажа примерно 14 туазов высотой. Его главный фасад фланкируется двумя восьмиугольными башнями той же высоты и столь же симметричными; большая эспланада, поднимающаяся террасами и вымощенная камнем, со всех сторон окружает здание. <...> В конструкции обсерватории не были использованы ни железо, ни дерево (чтобы не мешать магнетическим опытам. — С.М.); её своды сделаны с особой тщательностью»¹⁴. Газета «Nouveau Mercure» сообщала: «12 [мая]... после обеда он зашел в Обсерваторию, где пробыл очень недолго, пообещав вернуться сюда, чтобы все рассмотреть»; «19 [мая] монарх посетил после обеда во второй раз Обсерваторию, господин Маральди показывал ему всё, что служит для астрономических наблюдений. В этом случае царь проявил просвещенность и знания, приобретенные им в этой науке»; «17 [июня] <...> он завернул ещё раз в Обсерваторию, где пробыл около двух часов, делая [астрономические] наблюдения»¹⁵. В 1717 году директором Обсерватории был Жак Кассини (Jacques Cassini, 1677–1756), а у телескопов царя сопровождал его племянник, известный астроном и математик Жак Филипп Маральди (Jacques Philippe Maraldi, 1665–1729). Интерес царя к астрономии побудил его купить модель движущейся небесной сферы у известного парижского мастера Жана Пижона (Jean Pigeon d'Osangis, 1654–1739). Это была модель, следующая системе Коперника и указывающая не только курс Меркурия, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна, Солнца и луны и движение спутников Юпитера и Сатурна, но и вращение этих планет вок-

¹² См.: Княжецкая Е.А. У истоков русской ботаники // Ботанический журнал. 1972. Т. 57. № 1. С. 144–146.

¹³ См.: Дешизо П. Путешествия в Петербург (1724 и 1726) / предисловие, перевод с фр. и примечания Н.Л. Сухачева и Ю.Н. Беспятовых // Русская культура первой четверти XVIII века: Дворец Меншикова / под ред. Н.В. Калязиной. СПб., 1992. С. 134–151.

¹⁴ Brice G. Description de la ville de Paris. Т. 2. Р. 439–440.

¹⁵ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. Р. 194, 198; Le Nouveau Mercure. 1717, juin. Р. 197; см. также: Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 616.

руг их осей»¹⁶. Посетил царь (22 мая) и зал в Лувре, в котором помещались два глобуса, изготовленные мастером Коронелли (Vincenzo Maria Coronelli, 1650—1718) по заказу маршала д'Эстре и находившиеся долгое время в двух павильонах Марли¹⁷.

Царь захотел устроить нечто похожее на Парижскую обсерваторию у себя в новой столице. В 1721 году он предложил известному астроному Жозефу Никола Делилю (Joseph Nicolas Delisle, 1688—1768) взяться за решение этой задачи. Однако французский ученый, приняв предложение, прибыл в Петербург только в 1726 году¹⁸. Он действительно стал основоположником астрономических исследований в России. Существует мнение, что переломным моментом в жизни астронома стала встреча с русским царём в 1717 году, однако высказанные отечественными историками предположения о личных встречах ученого с царем в Париже¹⁹ и о передаче им тогда же записки с изложением широкого плана астрономических работ, которые он предполагал осуществить в России²⁰, — не более чем смелые гипотезы.

В рассказах А.А. Нартова сюжет о посещении царем обсерватории интерпретирован в духе антипросветительской книжки Юбера Ле Блана «Царь Петр Первый во Франции»²¹. Царь здесь подвергает критике рационализм Декарта и Фонтенеля:

«Его величество, быв в Париже на астрономической обсерватории, с удовольствием смотрел в зрительную трубу на весь небесный свод, и обратясь к бывшим с ним россиянам, с восхищением говорил: «Вот для глаз отверзтая книга чудес Божьих, которая

¹⁶ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 191—192.

¹⁷ Le Cabinet historique: revue... contenant, avec un texte et des pièces inédites, intéressantes ou peu connues, le catalogue général des manuscrits que renferment les bibliothèques publiques de Paris et des départements touchant l'histoire de l'ancienne France et de ses diverses localités, avec les indications de sources, et des notices sur les bibliothèques et les archives départementales / Sous la direction de Louis Paris. Paris, 1856. Т. 2. Part. 1. P. 40; Brice G. Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 1. P. 59—60.

¹⁸ Chabin M.A. Les Français et la Russie dans la première moitié du XVIII-e siècle: la famille Deslisle et les milieux savants // Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1983 pour obtenir le diplôme d'archiviste paléographique. Paris, 1983. P. 50.

¹⁹ Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984. С. 21—28; Les Français en Russie au siècle des Lumières / sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Fernel-Voltaire, 2011. Т. 2. P. 243.

²⁰ Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981 № 5. С. 92.

²¹ Le Blanc H. Le czar Pierre Premier en France. Amsterdam, 1741. P. 167—168.

ясно показывает великую премудрость Творца <...> Советовал бы я безбожникам и вольнодумцам учиться астрономии и почаще быть на обсерватории <...>»²².

Во время своих поездок по Парижу Пётр неоднократно выказывал интерес к географии и географическим картам. Утром 24 мая царь инкогнито посетил в Тюильри юного Людовика XV. Во время встречи речь зашла о карте Московии, которая была составлена географом Г. Делилем «по запискам царя»²³. Маршал Вильруа велел её принести и сказал царю, что король хотел бы знать, насколько она точна. Юный король, устремив взгляд на карту, рассуждал о положении провинций, о разнообразии рек, о числе главных городов. Удивленный ясностью его рассуждений, царь взял карандаш и показал предпринятое им соединение рек Волги и Дона для сообщения Каспийского и Черного морей. Он указал, что обилие рек позволяет гораздо быстрее передвигаться его армии к театру военных действий. Трудно сказать, было ли все на самом деле так, как описывал журналист, и говорил ли царь о своей неудачной попытке соединить Волгу с Доном каналом.

Более серьезное научное значение имела беседа с географом Гийомом Делилем (Guillaume Delisle, 1675—1726), который был приглашен в отель Ледигьер утром 18 июня. Состоялся долгий разговор через переводчика «о расположении и протяженности» царской империи. Чтобы дать своему собеседнику более точное представление о предмете, царь велел принести «две рукописные карты, которые он повелел сделать с одной части своего государства». Речь шла о юго-восточных районах Российского государства, населенных татарами и калмыками, о какой-то основанной на этих территориях крепости²⁴. Вероятно, эти карты имели отношение к Каспийской экспедиции князя А.Б. Черкасского, который в 1716 году получил царский приказ заложить крепость на полуострове Мангышлак²⁵. Г. Делиль в 1722 году изложил содержание своей беседы с царем²⁶. Он уточнил,

²² Пётр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 317.

²³ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 204. Карта была выполнена по просьбе А.А. Матвеева и обобщила все имеющиеся на тот период европейские сведения о России. — См.: Кусакин А. Пётр Великий и первый географ короля // Пинакотекa. 2001. №1—2. С. 24; La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1986. P. 33—34.

²⁴ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 197—198.

²⁵ Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964. С. 26—27.

²⁶ Delisle G. Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre // Histoire de l'Académie royale des sciences. Année. 1720. Paris, 1722. P. 382 (вторая пагинация).

что речь шла о Каспийском море и прилегающих к нему территориях. Получив от царя в 1721 году новое изображение Каспийского моря, Делиль в 1723 году составил и опубликовал на основе «карты Его Величества Царя» собственную карту с градусной сеткой, получившую широкую известность в Европе²⁷. Для европейского научного мира именно Пётр I стал человеком, «который после почти двух тысячелетий неведения либо неполных, сомнительных данных вернул наконец Каспийскому морю его “истинный облик”»²⁸.

Примечательно, что младшие братья знаменитого географа Делиля, астрономы Жозеф Никола и Луи, во время своего пребывания в России, занимались географией и картографией, однако оценки деятельности Ж.Н. Делиля в этой области резко расходятся²⁹.

Регенту Франции Филиппу Орлеанскому во время прощального визита царь подарил план Петербурга. Судя по характеристике этого плана: «О важности и величии этого города можно судить по 32 бастионам, которые должны его защищать»³⁰, — речь, несомненно, шла о генеральном проекте Ж.Б.А. Леблона, составленном в начале 1717 года и полученном царем в Нидерландах накануне поездки во Францию. Правда, план этот имел для царя не столько научно-познавательное, сколько пропагандистское значение: «проект этот был нужен ему, чтобы заставить говорить о себе Западную Европу»³¹.

В Коллеже четырёх наций 14 июня 1717 года Пётр I познакомился с известным ученым-геометром Пьером Вариньоном (Pierre Varignon, 1654–1722). Он давал пояснения царю, когда тот осматривал церковь и богатую библиотеку Коллежа Мазарини, расспрашивал об устройстве учебного заведения, о средствах, которые вы-

²⁷ La France et la Russie au Siècle des Lumières. P. 44–45; *Delisle G.* Determination géographique de la situation et de l'étendue des différentes parties de la terre // Histoire de l'Academie royale des sciences. Annee. 1720. Paris, 1722. P. 365–384 (вторая пагинация).

²⁸ *Вольпьяк-Оже К.* Соединять пустыни с пустынями? Каспийское море глазами французов XVIII века // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 43.

²⁹ Последний всплеск дискуссии см.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* «В начале был Делиль», или гипотеза о причинах расформирования одной французской коллекции // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 73: Петровское время в лицах—2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 112–120; *Гусарова Е.В.* К истории создания первого академического плана Петербурга (о замысле Петра I, роли астронома Делиля и прочем) // Там же. С. 131–149.

³⁰ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 198.

³¹ *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 108.

деляются на его содержание. Вариньон был своеобразной визитной карточкой этого заведения, что отмечалось в «Описании Парижа» Ж. Бриса: «существенное преимущество этого коллежа перед другими заключается в наличии профессора математики. Весьма искусный в математических науках профессор Вариньон преподает здесь с большим успехом»³². Едва ли во время экскурсии речь шла о математике, но царь имел возможность еще раз убедиться в пользе соединения науки и просвещения. Газета «Le Nouveau Mercure» в связи с посещением Коллежа писала, что царь уже основал подобные учебные заведения в Москве и Петербурге (по-видимому, имелись в виду Навигацкая школа и Морская академия) и планирует завести новые³³.

С техническими новинками Пётр I, как уже отмечалось, мог познакомиться в Арсенале и в Монетном дворе. Много интересного для себя Пётр I увидел 22 мая в доме генерального директора почт Луи Леона Пажо графа д'Онз-ан-Бре (Louis Léon Pajot, comte d'Ons en Bray, 1678–1754) в пригороде Парижа Берси. Царь приехал сюда, чтобы познакомиться с Кабинетом редкостей³⁴. Хозяин дома был ученым-механиком и изобретателем. С легкой руки Сен-Симона принято считать, что коллекцию редкостей, а также машины и инструменты демонстрировал царю известный изобретатель и математик, кармелитский монах отец Себастьян (Жан Трюше; Jean Truchet, 1657–1729)³⁵. Однако в архиве царского врача Р. Арескина сохранилось письмо Ж. Трюше, в котором тот извинялся за то, что не может быть в Берси у графа д'Онз-ан-Бре, «чтобы ему помочь принимать его императорское величество и чтобы иметь честь помочь ему описать математические и физические произведения», поскольку вызван с докладом к регенту³⁶. Во время пребывания Петра в Берси «было сделано много химических опытов, что, как

³² Brice G. Description de la ville de Paris. T. 3. P. 266.

³³ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 191–192.

³⁴ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 201–202.

³⁵ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991. С. 364.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 60–60 об. Здесь же хранится еще одно письмо Ж. Трюше, свидетельствующее о том, что у него была встреча (встречи?) с царем до 19 мая. Ученый монах просил Арескина уточнить, какие «увражи» необходимо скопировать для царя. Здесь же содержалась просьба вернуть «маленькую рукописную книгу с текстами из священного писания, украшенную золотыми пластинками с эмалью». Некто показывал царю эту вещь, которую царь воспринял как подарок, но хозяин соглашался уступить её только за 15 тысяч ливров. — Там же. Л. 57–58.

говорят, царь очень любил и в чем он имел весьма основательные познания»³⁷. Современный автор предположил, что среди прочего царю продемонстрировали «зажигательное зеркало», с помощью которого плавил золотые монеты и кусочки стали³⁸. По-видимому, в результате этой поездки в коллекции царя оказались «план дому <...> Пажота» и «10 чертежей машинных»³⁹. Вернувшись в Россию, царь послал ученому графу токарный станок работы А.К. Нартова и свои токарные изделия⁴⁰. У Л.Л. Пажо завязалась переписка с царским медиком Арескиным, касавшаяся анатомических препаратов устраиваемой в Петербурге Кунсткамеры и русских книг⁴¹. Однако Петр отказался сообщить французским ученым секрет консервации трупов, купленный им вместе с коллекцией анатомических препаратов Ф. Рюйша. Царский токар А.К. Нартов, будучи в 1719–1720 годах в Париже, посещал домашний музей графа д'Онз-ан-Бре и делился затем своими впечатлениями с царем, что вызвало обращение последнего 21 июля⁴² 1724 года к послу Б.И. Куракину:

«Сказывал мне Костянтинов Андрей, которой был во Франции для учения токарных дел, что видел он у почтмейстера парижского коляску, которая висит перпендикулярно всегда, как бы колеса криво ни шли на четырех пружинах. Постарайся такую сделать»⁴³.

Необходимо отметить, что со времени первого путешествия в Европу значительно выросли гуманитарные интересы Петра I, и это отразилось на его парижских поездках. Монарх нанес визит в Сорбонну (14 июня), бывшую тогда бастионом янсенистского богословия. В журнале царского путешествия сказано: «Июня в 3 день поутру его величество был в Академии, где предлагали его величеству учителя сорбонские о соединении веры, рассуждая, что лехко сие учинить»⁴⁴. Как только царь из церкви перешел в библиотеку

³⁷ Le Cabinet historique. P. 40.

³⁸ Henry C. Le séjour de Pierre le Grand à Paris. Contribution à l'histoire de la formation du cabinet de Saint-Petersbourg // <http://www.ghamu.org/IMG/pdf/Pierre1er-txt-def-20-04-2011.pdf>. P. 8.

³⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 88. Л. 203.

⁴⁰ Луазо Ж. Токарный станок А.К. Нартова во Французском Национальном хранилище искусств и ремесел // Вопросы истории естествознания и техники. 1957. Вып. 3. С. 212–216.

⁴¹ Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I. С. 93, 94, 97, 99, 100.

⁴² По старому стилю.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 107. Л. 214.

⁴⁴ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 618.

и обратил внимание на славянские книги, глава местных теологов Лоран Франсуа Бурсье (Laurent François Boursier, 1679–1749) поспешил заметить, что соединением церквей царь довел бы свою славу до высшей степени, к победам на поле брани добавляя торжество духовное. Улыбка пробежала по губам Петра, и он ответил, что он не более чем солдат. Бурсье ловко подхватил слово и возразил, что царь не только солдат, но и герой, а в качестве монарха и защитник религии. На возражение царя о различиях православия и католичества сорбонские профессора дружно заявили, что по всем пунктам расхождения легко согласовать позиции, а власть папы русской церкви можно и не признавать. Тогда Пётр предложил им составить записку, которую он передаст русским епископам⁴⁵. Современный исследователь полагает, что у этого демарша янсенистов была двойная цель: обратить русских в католицизм в соответствии с собственными идеалами и ослабить позиции папы⁴⁶. Своё критическое отношение к Святому престолу царь выразил в словах, якобы сказанных герцогу Орлеанскому: «Если папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец, а если не считает, то мошенник»⁴⁷. Записку, которую парижские богословы срочно составили за 24 часа⁴⁸, царь передал русским иерархам. Последние в своем ответе, направленном в Париж 15 июня 1718 года, писали, что они не могут решить этого вопроса без вселенского собора с участием четырех восточных патриархов⁴⁹. В поступившем затем письме Стефана Яворского указывалось, что русские епископы не могут решить этот вопрос пока пустует патриарший престол.

Вслед за Сорбонной Пётр I посетил в Лувре Королевскую типографию, где ему продемонстрировали различные пробные оттиски⁵⁰. 28 мая Пётр I побывал в Королевской библиотеке. Походный жур-

⁴⁵ Этот рассказ, восходящий к самому Бурсье, приведен во многих изданиях: Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 40; Pierling P. La Sorbonne et la Russie : 1717–1747. Paris, 1882. P. 25–26; Цветаев Д.В. Петр Великий во Франции // Русское обозрение. 1894. № 2. С. 626–627.

⁴⁶ Лиштенан Ф.Д. «Если папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец; если не считает, то мошенник» (Петр Великий) // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург 9–1 июня 2010 года. СПб., 2011. С. 60.

⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁸ См.: Сорбонских учителей рукописание о примирении церкви российской с церковью французскою // История Свейской войны. С. 625–631.

⁴⁹ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечностойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1772. Ч. 2. С. 436–438 (а, б, в, г, д, е).

⁵⁰ Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 191.

нал царя сообщал: «его величество ездил смотреть кабинета королевского, который в Тюлерии»⁵¹. Однако в Тюильри такового не было. Собственно Кабинет книг короля, куда поступали все книжные новинки, выходявшие во Франции, находился в Лувре⁵². Судя по свидетельствам французских источников, речь шла о посещении именно Королевской библиотеки. Автор специальной статьи, посвященной этому сюжету, указывал, что библиотека помещалась тогда на улице Вивьен⁵³. Однако путеводитель 1717 года сообщал, что для Королевской библиотеки предназначены апартаменты в Лувре, которые прежде занимала Академия живописи. Сюда библиотека должна была переехать с улицы Вивьен, «где она много лет располагалась в небольшом тесном доме»⁵⁴. Царя принимал королевский библиотекарь аббат Лувуа (Camille Le Tellier, abbé de Louvois, 1675–1718).

Современник так описывал визит царя в Королевскую библиотеку:

«29-го, в 11 часов утра, царь был в Библиотеке короля, сопровождаемый князем Куракиным, который стоял за Его Величеством, и его вице-канцлером, который стоял по другую сторону стола. Царь сидел в кресле. Господин аббат де Лувуа, библиотекарь короля, показал ему ряд древних греческих манускриптов, украшенных прекрасными миниатюрами. Некоторые из них привлекли его своей святостью, и он прижимался к ним щекой, чтобы поцеловать. Ему продемонстрировали самые редкие и любопытные вещи, хранящиеся в этой богатой библиотеке, и среди прочего вещи из гробницы Хильдерика, отца Хлодвиг — первого христианского короля. Его внимание обратили на большую золотую печать на манер кольца, которая одевается на палец и которой, как утверждают, этот монарх скреплял свои письма. По периметру этой печати выгравированы слова: «Childerici Regis». А также много других вещей из гробницы: искусно сделанную голову быка, украшенную красной эмалью, которую считают его идолом, несколько золотых римских монет и несколько золотых лилий, а также военный топор, который царь приложил к щекам, чтобы выразить свое почтение к этому древнему монарху фран-

⁵¹ Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества. С. 617.

⁵² Brice G. Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 1. Р. 62.

⁵³ Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека // Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1938. Кн. 4. С. 43.

⁵⁴ Brice G. Description de la ville de Paris. Paris, 1717. Т. 1. Р. 54.

цузов. После чего царь удалился с господином Либуа, королевским камер-юнкером, который должен его повсюду сопровождать. <...> При входе в Библиотеку короля он приветствовал аббата Лувуа легким кивком головы, а тот отвечал ему глубоким поклоном и каждый раз именовал его «Ваше Величество», когда монарх задавал ему какой-нибудь вопрос. Он забыл проявить щедрость в этой библиотеке. У дверей его ждали 12 французских гвардейцев без огнестрельного оружия, которые выстраивались в ряд, когда он куда-либо входил или выходил»⁵⁵.

Это повествование королевского писца Жана Бюва историки считают точным наблюдением очевидца. В рукописном варианте текста есть даже приписка, касающаяся гробницы Хильдерика: «Я ему представлял этот памятник»⁵⁶.

Впрочем, ошибка в дате царского посещения, указание на Либуа в качестве сопровождающего царя и клишированное изображение варварского поведения царя позволяют усомниться в том, что перед нами точно запротоколированное событие. Едва ли греческие богослужебные книги могли вызвать большой интерес царя. Ж. Порше обнаружил косвенное указание на то, что царю показали единственную на тот момент в Королевской библиотеке рукопись на русском языке — это было описание посольства в Китай Николая Спафария Милеску⁵⁷. По записанному много позже свидетельству царского секретаря И.А. Черкасова, «в Королевской библиотеке, где так же царь рассматривал особенные редкости, подарены ему двенадцать книг, величиной в александрийской лист, переплетенных в сафьян с золотом, а именно: превосходно гравированные изображения королевских садов в Версалии, походы Людвига XIV, рисованные славным ван дер Миленом (А.Ф. Ван дер Мёлен — художник-баталист Людовика XIV), и лучшими парижскими художниками гравированные». В примечании Я. Штелина говорится, что «все сии драгоценные вещи имел Петр Великий по самую свою смерть в своем кабинете, а потом были отданы в библиотеку Академии Наук»⁵⁸. Рукописные (а не гравированные!) раскрашенные сборники в сафьяновых переплетах с изображением планов Версаля и

⁵⁵ [Buvat J.] *Journal de la Régence (1715–1723)* / par J. Buvat...; publ. pour la première fois et d'après les mss originaux, précédé d'une introd. et accompagné de notes et d'un index alphabétique, par É. Campardon,... Paris, 1865. Т. 1. Р. 269–271.

⁵⁶ Порше Ж. Пётр Великий и Парижская королевская библиотека. С. 45.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ [Штелин Я.] Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге. М., 1787. С. 67.

Марли происходили из библиотеки герцога д'Атена и не имели отношения к Королевской библиотеке. От сборника гравюр с батальных полотен Ван дер Мёлена сохранился лишь переплёт. Возможно, к числу подаренных книг принадлежат «Description de la grotte de Versailles» и «Tapisserie du roi»⁵⁹. Другие из «двенадцати книг» идентифицировать с сохранившимися экземплярами библиотеки Петра I затруднительно. В списках парижских приобретений книги, якобы преподнесенные в Королевской библиотеке, не значатся.

Царь покупал в Париже приборы, инструменты, книги. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея частично сохранились счета на оплату инструментов и книг, купленных у парижских мастеров⁶⁰. Некоторые из них опубликованы на французском языке в приложении к статье Е.А. Княжецкой и В.Л. Ченакала⁶¹. Более полное представление о царских приобретениях дает список книг и инструментов, опубликованный недавно Светланой Романовной Долговой⁶². Она рассматривает этот документ как опись личной коллекции А.П. Ганнибала, с чем едва ли можно согласиться⁶³. В архивной описи Кабинета Петра Великого документ числится как «Росписи присланным вещам из Голландии и из других мест от Бранта и от прочих в 1718 году и с коносаментом (с распиской. — С.М.)»⁶⁴. Таким образом, это описание большой посылки, направленной Петру его резидентом в Амстердаме Крис-

⁵⁹ Библиотека Петра I. Указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1978. С. 123. № 1110, 1113.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40 (Материалы по пребыванию Петра I во Франции). Л. 50–52, 55, 80–80 об.

⁶¹ *Knjažetskaia E.A., Tchenakal V.L.* Pierre le Grand et les fabricants français d'instruments scientifiques // *Revue d'histoire des sciences*. Т. 28, № 3, juillet 1975. Р. 257–258.

⁶² *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // *Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года*. СПб., 2012. С. 21–24.

⁶³ В частности, из опубликованных писем Абрама Арапа следует, что нерегулярно выплачиваемые ему 240 «ефимков на год» едва позволяли выживать в «нищете» и «голоде», «в долгу», «без всяких прихотей» (*Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 163–167). Тем не менее, благодаря дальнейшей службе во Франции, А.П. Ганнибал привез в Россию библиотеку, которая по составу значительно отличалась от царской. См.: *Ганнибал А.С.* Ганнибалы. Новые данные для их биографий // *Пушкин и его современники. Материалы и исследования*. СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 232–234.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4, ч. 3. Кн. 88 (Росписи присланным вещам из Голландии и из других мест). Л. 200–209.

тоффелем Брантсом⁶⁵. Эта посылка включала в себя приобретения и подарки, накопившиеся за время путешествия царя 1716–1717 годов. По-видимому, царь, возвратившийся в Голландию после визита во Францию, поручил Брантсу доставить эти вещи в Россию. Документ состоит из нескольких «росписей»: «роспись книгам и инструментам», находившихся во время путешествия в ведении «Авраама Арапа» и принятые затем у него Иваном Орловым⁶⁶ (сам Абрам Ганнибал остался для обучения во Франции); «опись книгам», подаренным царю, и (отдельно) «купленные книги»; «книги, что привез Сава Рагузинский», приехавший по приказанию Петра из Италии в Париж; «роспись инструментам математическим, которые куплены в Париже»; опись книг и инструментов, принятых у Афанасия Татищева; «две книги от Веселовского (секретаря русского посольства в Лондоне. — С.М.) присланы об архитектуре» и другие подарки. Часть предметов из этой большой описи явно были приобретены в Голландии: «фут галанский», «Разговоры на галанском и русском языке» (голландско-русский разговорник), «2 книги Евангелия галанские», «Пословицы на голанском языке», «чайник полотняный, что привезен из Везеля» и другие. Явно итальянское происхождение имели книги, привезенные Саввой Рагузинским: «Книга о строении Венеции», «Книга о римских фонтанах» и пр.

Однако большинство предметов, описанных здесь, были получены и куплены во Франции. В частности, приведенный здесь большой список инструментов и механизмов не оставляет сомнения в том, что речь идет о парижских покупках царя. Здесь мы видим известную «сферу Коперникову»⁶⁷, купленную за 2000 ливров у Жана Пижона, набор зрительных трубок, купленных 21 мая (1 июня) Юрием Кологривовым за 340 ливров («трупка большая в три чети, трупка в две чети, трупка оброчная стальная» и т.д.)⁶⁸, «план дома <...> Пажета» (речь идет о домашнем музее Луи Леона Пажо), явно снятый для Петра, думавшего об устройстве собственного кабинета редкостей. Кабинетская «Роспись инструментам математическим, которые куплены в Париже» с указанием имен изготовивших их мастеров содержит новые сведения о контактах царя с этими мас-

⁶⁵ О нем см.: *Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717). СПб., 2013. С. 52–65.

⁶⁶ После завершения царского визита во Францию денщик И. Орлов был направлен из Льежа в Голландию «с шпалеры и другими нужными вещами». — ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 112 об.

⁶⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 92.

⁶⁸ *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов. С. 23; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 65.

терами, так как здесь названо больше мастеров и приборов, чем в сохранившихся счетах. Несмотря на то, что сравнение французских и русских названий инструментов иногда вызывает трудности, в «росписи» узнаются предметы, указанные в счетах. Так, указанные в счете мастера Макара (Macquart)⁶⁹ «deux grands cadrans Equinoxiaux» соответствуют двум указанным в списке «часам солнечным» того же мастера, а «un instrument a pointer le canon» — «трубке для стрельбы из пушек» и т.д. В счете мастера Л. Шапото⁷⁰ (Louis Chapoteau или Chapotot) фигурируют «une Equerre d'arpenteur a huit fantes», «un grand Niveau de vingt pouces de longueur a Lunette dans son Etuit» — они соответствуют «инструменту ради углов» и «ватерпасу с трупкой», а «un Etuit en Casset d'un pied de long garnie d'insrument de mathematique», возможно, означает «готовальню з большими инструментами солнечными». Третий счет, включающий большое количество уровней-ватерпасов, компасов, а также книг-руководств по использованию инструментов, в подлиннике не подписан⁷¹. Его сравнение с кабинетской росписью позволяет с большой долей вероятности предположить, что эти инструменты и книги были куплены у мастера Николя Биона (Nicolas Byon) в его мастерской на набережной Орлож (quay de l'Horloge). Кроме математических инструментов, изготовлением которых он славился, список включает книги самого Н. Биона, в том числе его основной труд «Traité de la construction et des principaux usages des instruments de mathématique...» (Paris, 1716)⁷². С тремя названными мастерами расплачивался денщик Афанасий Татищев, заплативший по сохранившимся счетам 1751 ливр. В «росписи инструментам» названы также изделия известного парижского мастера Майкла Баттерфилда («Бутерфила», Mickael Butterfield). По свидетельству газет, царь посещал его три или четыре раза в его ателье на набережной Морфондю и заказывал у него приборы и инструменты. Журналисты отметили, что царь беседовал с Баттерфилдом по-голландски без переводчика⁷³. Рос-

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 324. Оп. 1. № 40. Л. 50.

⁷⁰ Там же. Л. 55.

⁷¹ Там же. Л. 52.

⁷² Версия Н.И. Невской о том, что анонимный список является не счетом, а памятной запиской, составленной Ж.Н. Делилем и свидетельствующей о встречах ученого с царем в Париже, основана лишь на энтузиазме автора. Счет, включающий «полукруг», несколько уровней, несколько компасов, готовальню, «ногу» для приборов, письменный прибор и т.д., с указанием, из какого материала сделаны предметы и какого они качества (с рекламным оттенком!), прямого отношения к плану астрономических наблюдений не имеет, но хорошо соотносится со списком приобретений из Кабинетского архива. См.: *Невская Н.И.* Петербургская астрономическая школа XVIII века. Л., 1984. С. 21–28.

⁷³ [Buchet P.F.] Abbégé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz. P. 202.

письм называет также единичные изделия мастеров «Лефеврела» (Le Febvre) и «Мера», имена которых до сих пор не упоминались в связи с визитом Петра в Париж.

«Роспись инструментам» частично совпадает и с опубликованной недавно «Тетрадью с документами по расходу кабинетных денег Юрьем Кологривовым»⁷⁴. Здесь упомянуты те же три зрительных трубки, купленных 21 мая за 340 ливров. Публикация А.Г. Каминской позволяет говорить о том, что царь в Париже не только покупал готовые инструменты, но и заказывал их мастерам, в том числе по собственным проектам («по модели Вашего Величества»). Некоторые из заказанных инструментов Кологривов в ноябре 1717 года планировал «отдать в Голландию». Таким образом они и попали в посылку Брантса.

Кабинетские «росписи», опубликованные С.Р. Долговой, содержат, пожалуй, наиболее полный перечень книг, увезенных русским царем из Парижа. Здесь мы видим большое количество книг, подаренных Петру официальными лицами, имевшими отношение к приему высокого гостя. В Кале царю преподнесли «Гисторию Юлия Цезаря»⁷⁵. Маршал К.Л.Г. Виллар, сопровождавший Петра при посещении Дома Инвалидов 16 мая, подарил ему книгу, названную здесь «Описание Дазавалид»⁷⁶. Герцог Л.А. д'Антен преподнес несколько роскошных рукописных книг и гравюр: «описание Версалии рисована, описание Марли рисована»⁷⁷, большой план и одиннадцать листов Триано»; книгу «о строении кораблей <...> поднес генерал-майор Рено»; какие-то книги и чертеж галеры подарил вице-адмирал д'Эстрэ. Две книги, посвященные ордену Святого Духа, «поднёс генеоложист того ордера»⁷⁸.

Список «купленных книг» свидетельствует о разнообразных научных и культурных интересах царя. Он в значительной степени совпадает с росписью книг, приобретенных 17 июня по указу Петра Юрием Кологривовым за 120 ливров⁷⁹: «Фабулы Овидиовы» («кни-

⁷⁴ Каминская А.Г. Пребывание Петра Великого в Париже в 1717 году // Санкт-Петербург—Франция. Наука, культура, политика СПб., 2010. С. 19–20.

⁷⁵ Речь идет о роскошном издании «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря на латинском языке (Лондон, 1712).

⁷⁶ Речь идет о книге: *Boullencourt de*. «Description générale de l'Hôtel Royal des Invalides...» (Paris, 1683). См.: Библиотека Петра I. С. 120, №1060.

⁷⁷ Библиотека Петра I. С. 98, № 818, 823; *Montclos B. de*. Un album du duc d'Antin à Saint-Pétersbourg: les jardins de Versailles en 1717 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art française. 2004. P. 85–95; *Khmelevskikh I.* L'album de Marly dans la bibliothèque de Pierre le Grand // Marly, art et patrimoine. 2013. № 7. P. 19–24.

⁷⁸ Библиотека Петра I. С. 140, № 1350, 1352.

⁷⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. № 40. Л. 80–80 об.

га Овидиуш с фигурами» за 47 ливров) — иллюстрированное издание «Метаморфоз» П.Н. Овидия⁸⁰, «Описание Версалии в лицах»⁸¹, «книга о слюзах»⁸², «книга о фортификации Фрегна» (в «рописи» Кологривова она названа «Архитектура милитарис де Фригна»)⁸³, «книга о фортификации Девина, Покана, Вибана» — описание методов фортификации военных инженеров Л. Пагана, А. Девилля, С. Вобана⁸⁴, «Книга о фортификации графа Покана»⁸⁵, «Книга должность афицеров артиллерских»⁸⁶. Здесь же названы книги мастера Н. Биона, купленные у автора: «Книга математических инструментов, Книга употребление глобуса, Книга употребление астролябии»⁸⁷. Как видим, книги по военному искусству соседствуют здесь с научными изданиями.

В конце своего пребывания в Париже Пётр I нанёс визит в Королевскую Академию наук, располагавшуюся в Лувре. Её президентом в то время был аббат Жан Поль Биньон (Jean Paule Bignon, 1662—1743). Он уже зарекомендовал себя как сторонник налаживания культурных и политических связей между Россией и Францией и даже пытался играть некоторую политическую роль в деле сближения двух стран⁸⁸. 19 июня 42 академика во главе с аббатом Биньоном встретили царя на лестнице, провели его в зал заседаний и продемонстрировали ему свои достижения: геометр и механик Ж.Э. де Лафей (Jean Élie Lériget de la Faye, 1674—1731) показал модель машины для подъема воды с наименьшей затратой сил, основанную на сложных геометрических расчетах; химик и врач Л. Лемери (Louis Lémery, 1677—1743) познакомил с эффективным химическим опытом по получению кристаллов сернокислого цинка (Arbre de Mars); физик А. Далем (André Dalèsme) показал свое главное изобретение — новую конструкцию реечного домкрата большой мощности; механик Ф.Ж. де Камю (François Joseph de Camus, 1672—1732) продемонстрировал

⁸⁰ Библиотека Петра I. с. 141, № 1368.

⁸¹ Там же. С. 138, № 1317 (?).

⁸² Там же. С. 152, № 1526.

⁸³ Там же. С. 125, № 1133.

⁸⁴ Там же. С. 135, № 1290.

⁸⁵ Там же. С. 142, № 1376 (?).

⁸⁶ Там же. С. 132, № 1243.

⁸⁷ Там же. С. 110, № 928—930.

⁸⁸ См.: *Liechtenhan F.D.* L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII—XX вв. М., 2010. С. 127—140; *Мезин С.А.* Царь, вице-адмирал и академик // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 73: Петровское время в лицах—2014: К 300-летию победы при Гануте (1714—2014): материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 262—270.

механическую игрушку, созданную для юного короля, — упряжку лошадей, тянувшую игрушечную карету⁸⁹. Думается, что академики, среди которых были уже знакомые Петру I Дюверне, Жоффруа, Маральди, Вариньон, Пажо д'Онз-ан-Бре, Трюше, разрабатывая программу встречи, учли интересы русского царя, проявившиеся в ходе предшествующих встреч с французскими учеными. Позже, 22 декабря 1717 года, Пётр I был избран членом академии. Этот хорошо известный факт получил в литературе различные интерпретации, на которые хотелось бы обратить внимание.

Факт избрания Петра I академиком уже в XVIII веке оброс значительной литературой. Современник царя и участник его избрания Б. де Фонтенель в своем «Похвальном слове» (1725) дал довольно точное изображение отношений Петра с Парижской академией наук:

«19 июня 1717 года он своим посещением оказал честь академии наук. Она хвалилась тем, что у неё было самого нового и любопытного из опытов и машин. После возвращения в свою страну он повелел придворному врачу шотландцу Арескину написать господину аббату Биньону, что хотел бы быть членом этого сообщества; и когда академия удовлетворила его просьбу со всем должным уважением и признательностью, он сам написал ей письмо, которое я не осмелюсь назвать благодарственным, поскольку оно исходило от монарха, который давно привык быть господином. Все это запечатлено в истории (академии) 1720 года <...> Он повелел снять карту этого (Каспийского) моря; благодаря этому академическому завоеванию мы узнали наконец его истинные очертания, сильно отличающиеся от тех, что обычно давались. Академия также получила от царя карту его нового Каспийского моря»⁹⁰.

⁸⁹ Списки ученых, выступавших перед Петром I, представленные в протоколе заседания Академии наук (Archives de l'Académie des sciences, Paris. Procès-verbal de la séance de l'Académie royale des sciences du 19 juin 1717 (сообщено К. Демельнаер-Дуйер); опубликовано: *Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des sciences de Paris : un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIII–XIX siècles)* // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 94–95) и в газете «Le Nouveau Mercure» (Le Nouveau Mercure. 1717, juin. P. 201–202) не совпадают: вместо названного в протоколе Ф.Ж. де Камю в газете упомянут также присутствующий на заседании Р.А. Реомюр (René Antoine de Réaumur), который якобы продемонстрировал рисунки к готовящемуся изданию «Description générale des Arts et Metiers de France». В опубликованной ранее на русском языке версии протокола (Голицын А. Пётр I. Член Парижской Академии наук // Русский заграничный сборник. Ч. 3., тетр. 3. Париж, 1859. С. 5) допущена ошибка: царю якобы представили «карту г. де Камюса».

⁹⁰ Fontenelle B de. Éloge du czar Pierre I-er // Oeuvres complètes. Genève, 1968. T. 1. P. 348–351.

Как видим, факты визита царя в Академию, его избрания и присылки новой карты Каспийского моря здесь четко разделены во времени.

Вольтер в «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) соединил в одном рассказе факты посещения Академии, исправления географических карт, в том числе карты Каспийского моря, принятия царем звания академика:

«Петр был механиком, художником, геометром. Он посетил Академию наук, которая хвасталась перед ним всем тем, что у неё было наиболее редкого. Однако самой большой редкостью был сам Петр. Он исправил несколько географических ошибок на имеющихся картах его государства особенно на карте Каспийского моря. Наконец, он соизволил стать одним из членов этой Академии и с тех пор поддерживал постоянную переписку, посвященную опытам и открытиям, с теми, кому он хотел быть простым собратом»⁹¹.

Знаменитый француз не погрешил в своем рассказе против истины, ибо Пётр действительно указывал в Париже (в частности, в Парижском парламенте)⁹² на неверное изображение на европейских картах Каспийского моря, а кроме того, автор не уточнял, когда именно эти события происходили.

В конце XVIII в. французский историк России П.Ш. Левек писал: «Он (Пётр) хотел присутствовать в Академии наук и не погнушался быть принятым в число её членов: чтобы заслужить эту честь, он исправил в собрании (академиков) карты России, особенно карту Каспийского моря»⁹³.

В середине XIX века Н.А. Полевой, не любивший кропотливой работы с источниками, но хорошо знакомый с французскими публикациями, в «Истории Петра Великого» (1843) предложил свою версию избрания царя академиком: «Приглашенный в собрание Академии, царь своими руками поправил показанную ему карту Каспийского моря и показал обширные сведения в географии и математике. Фонтенель приветствовал посетителя речью. Академия просила царя удостоить её принятием звания члена её. Царь отвечал, что он почтет за честь такое почетное звание»⁹⁴. Здесь все события спрессованы воедино и отнесены к 19 июня; автор измыслил ещё приветственную речь Фонтенеля.

⁹¹ *Voltaire. Oeuvres complètes.* Oxford, 1999. Т. 47. Р. 807–808.

⁹² [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau* / Publié en entier pour la première fois par MM. Soulié, Dussieux, de Chennevières, Mantz, de Montaiglon; avec les additions inédites du duc de Saint-Simon publiées par M. Feuillet de Conches. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 411.

⁹³ *Levêque P.Ch.* *Histoire de Russie.* Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 4. Р. 487.

⁹⁴ *Полевой Н.А.* *История Петра Великого.* Ч. 4. СПб., 1843. С. 47.

Впрочем, в 1841 году в журнале «Русский вестник» был опубликован источник, который как будто подтверждал версию избрания Петра академиком уже 19 июня 1717 года:

«<...> Шествие было в Академию Наук, в которой президентом был аббат Биньон. Г. Делафая показывал модель изобретенной им машины, с которою, с меньшею пред прежними силою, поднимать можно вверх воду. Г. Летери делал опыты над двумя растениями, а Г. Далею предложил особливый список некоторого подъема, весьма способнее и сильнее обыкновенного. На все сие государь Петр Великий смотрел прилежно, делал свои примечания и желал, чтобы члены сего славного собрания сели, дабы мог он видеть порядок их заседания. Тогда подарил он Академии Наук карту Каспийского моря, совсем иного вида, нежели прежние карты, географами об оном изданные. Она принята была академиками с отменным удовольствием и чрезвычайным почтением, и тотчас избран он был почтеннейшим и знаменитейшим Парижской Академии членом»⁹⁵.

И хотя еще раньше, в 1821 году, началась публикация переписки, не оставлявшей сомнений в том, что посещение академии, избрание и передача новой карты Каспийского моря были событиями одновременными⁹⁶, версия об избрании Петра академиком 19 июня 1717 года возродилась в научной литературе XX века. Косвенно её поддержал Б. Лосский, поместив в своей хронике пребывания Петра I в Париже в качестве достоверного известия вышеприведенный отрывок из «Журнала ежедневного»⁹⁷.

О том, что царь представил на заседании академии новую карту Каспийского моря и в тот же день был избран академиком, в 1950–1980-е годы неоднократно писала Екатерина Андреевна Княжецкая. Обнаружив в архиве рукописные карты Каспийского и Аральского морей, предположительно составленные экспедицией А.Б. Черкасского 1715 года⁹⁸, она в следующих работах пришла к

⁹⁵ Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича // Русский вестник. 1741. Т. 2. С. 410.

⁹⁶ Избрание Петра Великого в Члены Французской Академии Наук // Отечественные записки. 1821. Ч. 5, № 10. С. 179–189; Первый из русских член королевской Парижской Академии наук // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. № 1. С. 1–6; *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 529–558.

⁹⁷ *Lossky B.* Le séjour de Pierre le Grand en France // *Le monde slave*. 1932. № 8. P. 279–280, 299.

⁹⁸ См.: *Шафрановский К.И., Княжецкая Е.А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича-Черкасского 1715 года // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 84, вып. 6. Ноябрь–декабрь 1952. С. 539–551.

заклучению, что царь 19 июня представил в Академии карту Каспийского моря и был избран академиком, но уже на следующий день отказался от звания⁹⁹. Развивая тему, она называла разные причины «отказа» — от этических до политических, склоняясь к последним: отказ царя должен был повлиять на регента и ускорить заключение русско-французского союзного договора. Имея в качестве основного источника своих утверждений «Журнал ежедневный», Княжецкая толковала в пользу своей версии записку Арескина (?) Биньону от 20 июня 1717 года: «Вчера я имел честь предложить вам, сударь, принять его царское величество в вашу академию. В настоящее время я имею честь просить вас не думать более об этом и ничего в этом направлении не предпринимать»¹⁰⁰, хотя из текста явствует, что Петр тогда академиком избран не был. Она дополнительно привлекла свидетельство так называемых «записок» герцога Ришелье, которые являются апокрифом начала XIX века¹⁰¹, и даже научно-популярную книгу французского автора, описывавшего «силовое давление» русского царя, «вырвавшего» у регента Филиппа Орлеанского обещание заключить союзный договор¹⁰². Княжецкой, долго державшейся за свою идею, пришлось объяснять, почему царь в собственном письме от 11 февраля 1721 года, посылая карту Каспийского моря писал: «До сего времени не было еще никакой подлинной карты Каспийскому морю»¹⁰³. Она «не заметила» слов из отчета Шумахера, подтверждавших, что академическое собрание в 1721 году впервые видело новую карту Каспийского моря: «О карте вельми все удивлялись, понеже Каспийское море, против мнения всех географов, иной образ приемлет»¹⁰⁴. Обосновывая свою «внешнеполитическую» версию отказа царя от звания, Княжецкая погрешила против фактов, утверждая, что демарш Петра 20 июня («отказ») произвел желаемое действие на регента Франции: «в тот же день состоялись последние переговоры царя с

⁹⁹ Княжецкая Е.А. О причинах избрания Петра I членом Парижской Академии наук // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 92, вып. 2. Март—апрель 1960. С. 154—158; Она же. Судьба одной карты. М., 1964. С. 59—60; Она же. Пётр I и французская Академия наук // Наука и жизнь. 1972. № 2. С. 63; Она же. Пётр I — член Французской Академии наук // Вопросы истории. 1972. № 12. С. 200—201; Она же. Начало русско-французских научных связей // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 261.

¹⁰⁰ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 261.

¹⁰¹ Mémoires historiques et anecdotes du duc de Richelieu [Par E.L. de Lamoignon-Langon]. Paris, 1829. Т. 2. Р. 195—216.

¹⁰² Le Glay A. Les origines historiques de l'alliance franco-russe. Paris, 1897. Р. 80—81.

¹⁰³ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 267.

¹⁰⁴ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. С. 536.

регентом, увенчавшиеся успехом»¹⁰⁵. На самом деле хорошо известно, что царь и Филипп Орлеанский последний раз встречались 18 июня — до визита царя в Академию, а 20 июня после обеда царь уже выехал из столицы Франции¹⁰⁶.

И лишь в последней своей статье 1981 года¹⁰⁷ исследовательница, по сути, отказалась от своей точки зрения, ибо обнаружила документ (письмо Дюверне Арескину), в котором прямо говорилось, что когда Арескин 19 июня предложил Биньону принять Петра в члены Академии, то получил отказ. Вот о чем писал известный врач и член Академии Ж.Г. Дюверне своему коллеге Р. Арескину 15 августа 1717 года:

«Со времени вашего отъезда у меня было несколько бесед с господином аббатом Биньоном по нашей теме. Я ему дал понять, что Его Царское Величество питает к вам особое уважение и рассматривает вас как свое доверенное лицо, что было подтверждено герцогом д'Антенном и всеми учеными этого города; он (Биньон. — *С.М.*) меня очень просил совсем не говорить об отказе, которым он вам ответил на предмет почетного места для Его Царского Величества. Я его заверил, что никому об этом не скажу; но мне известно, что в разговоре с господином регентом он засвидетельствовал, что мы должны его (царя. — *С.М.*) поспешно принять сверх всех рангов, и следовало бы вам об этом написать; это было сделано господином Биньоном, и он мне показывал свое письмо. Вы увидите, что *его речь будет сильно отличаться от той, которую вы слышали от него в Лувре*. Я был рад и я хотел бы, чтобы вы были довольны (курсив мой. — *С.М.*)»¹⁰⁸.

Из текста письма следует, что на предложение Арескина принять царя в Академию наук, царский врач получил недвусмысленный отказ от президента академии Биньона. Однако затем, согласовав этот вопрос с регентом, Биньон оправдывался тем, что не считал обращение Арескина официальным, и спешил исправить эту оплошность.

И в последней статье Е.А. Княжецкая, зная содержание этого письма, утверждала, что на заседании 19 июня Пётр представил рукописную карту Каспийского моря и «единогласно был признан

¹⁰⁵ Княжецкая Е.А. Начало русско-французских научных связей. С. 262.

¹⁰⁶ Lossky B. Le séjour de Pierre le Grand en France. P. 298–301.

¹⁰⁷ Княжецкая Е.А. Научные связи России и Франции при Петре I // Вопросы истории. 1981 № 5. С. 91.

¹⁰⁸ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. № 5. Л. 64–64 об.

достойным звания члена Академии», будто имело место какое-то голосование.

Все вышесказанное побуждает исключить «Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича» из числа достоверных источников.

Возвращаясь к вопросу о посещении Петром I Парижской академии наук, заметим, что кропотливые изыскания Е.А. Княжецкой приводят к заключению, которое сама исследовательница не сделала: об имевшихся трудностях в отношениях русского царя с парижскими академиками. Петру действительно отказали в приеме в общество ученых. Лишь со временем этот неприятный для царя инцидент разрешился положительно. Карту Каспийского моря царь 19 июня 1717 года в Академии наук не представлял.

Менее известны факты посещения царем в Лувре в тот же день, 19 июня, других академий — Академии надписей, Французской академии, Академии живописи и скульптуры. Сведения об этом сохранились в книге записей Французской академии¹⁰⁹. Академия надписей (*Académie des inscriptions et des belles lettres*) была основана при Людовике XIV с целью «оставить потомкам истинную идею величия Франции»: сочинение надписей, девизов и легенд для медалей и памятников, а также исторических трудов. Члены этой Академии были заранее предупреждены о визите, поэтому встретили монарха в полном составе. Здесь Петру продемонстрировали историю Людовика XIV в медалях. Пояснения, вероятно, давал А. Дасье (*André Dacier*), который был автором исторических комментариев к медальной истории короля-солнца. Царь в свою очередь показал имеющиеся у него медали, относящиеся к событиям его царствования. С Академией надписей царь продолжит научные контакты после возвращения в Россию: к сведению академиков пришлют надпись, предназначенную для конной статуи царя, а также древние тангутские свитки, найденные у калмыков. Тот же А. Дасье, будучи непременным секретарем Французской академии, познакомил царя с этим учреждением, задачей которого было изучение французского языка и составление словаря. В книге записей названы фамилии 11 присутствующих из 40 членов Французской академии: l'abbé Dangeau, l'abbé Massieu, de Bozé, l'abbé de Saint-Pierre, Campistron, l'abbé Renaudot, de Sacy, Danchet, La Motte, l'abbé Mongin. В этом списке обращают на себя внимание имена известного мемуариста маркиза Ф. де Данжо и редактора «*Gazette de France*» аббата Е. Ренодо, которые оставили описания царского

¹⁰⁹ *Riabouchinsky D. Les Rapports scientifiques entre la France et la Russie // Rêvue générale scientifique. 1934. № 2. P. 46.*

визита во Францию. Во Французской академии царю продемонстрировали порядок заседания, а затем показали портреты основателей — покойного короля, кардинала Ришелье и канцлера Пьера Сегье, которые царь осмотрел с большим интересом. Внимание царя обратили на портрет шведской королевы Кристины, которая в свое время также посещала Французскую академию. Академики заверили русского гостя, что так же бережно будут хранить память и о его посещении. Затем царь проследовал в Академию живописи и скульптуры, где осмотрел работы учеников, которые трудились в его присутствии. По свидетельству источника, царь «выказал много вкуса по отношению к этому искусству».

Обзор научных контактов Петра I в Париже свидетельствует о необычайной широте и разнообразии интересов царя, которые могли реализоваться с наибольшей полнотой именно в столице Франции. Можно предположить, что *a priori* царь планировал более тесное знакомство с морским и военным делом во Франции. Однако начавшиеся с первых дней научные экскурсии, знакомство с ведущими учеными Франции так захватили его, что он по несколько раз возвращался в известные научные центры Парижа, отдавая предпочтение естественным наукам и медицине, астрономии, механике, географии. Его увлекал прикладной аспект научных знаний. Не случайно среди книг, приобретенных в Париже, преобладали снабженные чертежами и гравюрами увражи по фортификации и архитектуре, а также технические руководства. Заметный рост гуманитарных интересов царя сдерживался незнанием французского языка.

На примере Франции Пётр убедился, что развитие науки «работает» не только на «общее благо» нации, но и на повышение престижа монарха.

Большинство личных встреч царя с французскими учеными имели продолжение в русско-французских научных связях. Однако мощный импульс, приданный визитом этим связям, реализовался не в полной мере. В отношениях царя с научным сообществом Парижа возникали проблемы, обусловленные в конечном счете существенной разницей в уровне культурного развития двух стран. Тем не менее, едва ли не главное последствие научных контактов царя в Париже видится в основании в Петербурге Академии наук. Не случайно в проекте Академии, утвержденном Петром I, указывалось, что новое учреждение «такой академии, которая в Париже обретается, подобно есть»¹¹⁰.

¹¹⁰ Реформы Петра I. Сб. документов / сост. В.И. Лебедев. М., 1937. С. 326.